

В ту ночь Гарри лежал в постели, беспокойство грызло его изнутри. Он думал о британском языке жестов, о том, сможет ли он подавать знаки кому-нибудь еще, чтобы облегчить себе жизнь. Снейп, конечно, сразу пришел на ум, но знак "S" означал сцепление мизинцев, а Гарри этого не мог себе позволить – один из них отсутствовал. Он попытался вспомнить все, что медсестры рассказывали ему о языке жестов. Он довольно быстро его освоил, но после отъезда у него не было возможности использовать его... Глаза закрылись, воспоминания кружились в голове, и сон унес его в свои объятия. Ночь прошла быстро, по крайней мере, до тех пор, пока его не стали мучить кошмары. Они сменяли друг друга, от неприятных до ужасных, от одних он содрогался, от других его тошнило от страха. Этот сон был где-то посередине. Он ехал на заднем сиденье, пристегнутый ремнями безопасности, рядом с Дадли, своим чудовищным кузеном. Дождь только начинался, капли били по стеклу, но стеклоочистители их убирали. Было темно, если не считать фар, очень и очень темно. Дядя и тетя снова спорили, Дадли вклинивался в разговор, крича: "Я хочу!" или "Это скучно!". Гарри, конечно, молчал. После шести лет жизни с Дурслями он научился не высовываться. "Никто не хочет слушать такого маленького уродца на веревочных ногах, как ты!" – эта фраза была знакома ему с детства. Слева проехала машина, ее фары пронзительно осветили темноту, окружавшую их маленький мир в служебной машине дяди. Гарри сидел слева, тетя – впереди. Он видел, как дядя посмотрел ему в глаза, когда машина начала проезжать мимо. – "Думает, что я еду слишком медленно!" – прорычал дядя Вернон, его усы завибрировали от силы крика. Совершенно не обращая внимания на усиливающийся ливень, дядя прибавил скорость. – "Вернон, оставь это, дорогой", – пробормотала Петуния, не сводя глаз с дороги. Ливень переходил в проливной. – "Я ему покажу!" – злобно ответил дядя. Во сне Гарри почувствовал, как время замедлилось, будто дядя взял над ним верх. Он чувствовал, как шины машины теряют сцепление с дорогой – раз, два, потом еще раз. Он не знал тогда, что это называется "гидропланирование". Он попытался заговорить, предупредить дядю, что они скользят, или позвать на помощь, он уже не помнил, что именно. Он пытался говорить, но не мог, не мог пошевелиться. Машина скользила по дороге, неуправляемая, влево, всегда влево. Дадли упал на него. Ремни безопасности едва налезали на него, даже в семь лет, он обычно снимал их, как только они оказывались на дороге. Его вес был удушающим, мучительно тяжелым, и Гарри слышал, как другой мальчик кричит нелепым высоким тоном прямо ему в ухо. Свет закружился вокруг них, Гарри закрыл глаза от тошнотворного вихря красок и движения. Раздался ужасный хруст, за ним последовал тошнотворный треск, и он почувствовал, как его нога проваливается под весом кузена. Боль расцвела в его сердце и горле, а потом вдруг все стихло. На его коленях, на сиденье рядом с ним, была рвота, кровь капала ему в глаза. Время рванулось вперед, он почувствовал, как вес Дадли покинул его, и закричал. Его правая нога была не просто сломана, она была раздроблена. Он понял, что сиденье тети перед ним было отодвинуто назад и теперь частично опиралось на эту ногу. В ловушке, в ловушке! Кричал, кричал его разум, и он начал бороться со своими путами. Дверь с другой стороны открылась, его кузена вытащили наружу, причитая, как будто он умирает, несмотря на несколько синяков, которые позже окажутся пустыми. Зрение поплыло перед глазами, он очень слабо зовёт свою тётю. – "Пожалуйста, тетя Петуния, я застрял, пожалуйста!" – – "Избавься от плохого мусора! Посмотри, что ты наделал!" – Он смутно слышал крики дяди Вернона и с запозданием понял, что тот кричит на него. – "Пожалуйста!" – Он попытался еще раз, отчаянно стуча по окну, его рука провела по нему кровавые линии. Он вспомнил и увидел во сне, как Петуния остановилась возле его окна, ее лошадиное лицо было омрачено опухшим черным глазом, и она смотрела на него. Он кашлянул, до него донесся запах бензина, он понял, что бензобак протекает. Он почувствовал запах гари, мысль о том, что его могут сварить заживо, испугала его, и он стал колотить в окно и кричать во всю мощь своих легких. – "Пойдем, Пет!" – крикнул Вернон, схватив тетю за руку и грубо дернув ее назад. – "Нет! Я все еще здесь! Я все еще здесь! Я не могу выбраться!" – кричал он, избивая свою руку до синевы, едва осознавая, что на этой руке у него тоже сломаны два пальца. – "Не оставляй меня, пожалуйста!" Петуния все еще была в его поле зрения, он

видел, как она что-то говорит ему. Он напрягся, чтобы понять, увидеть, раздраженно вытирая кровь с правой стороны лица, которая продолжала мешать ему видеть. – "Просто стой здесь, просто стой", – повторяла она, и он всхлипнул, услышав ее слова. – "Пожалуйста! Не оставляйте меня! Пожалуйста! Я буду таким хорошим! Я буду делать все, что ты захочешь! Пожалуйста, вытащите меня! Я не хочу умирать!" – Он всхлипывал. Но ее уже не было, машина дымилась, он оказался в ловушке, когда мир вокруг него взорвался. Гарри сел на кровати, задыхаясь и захлебываясь от ужаса. Он подтянул левую ногу к подбородку и отчаянно обхватил ее руками, пытаясь заглушить звуки своих рыданий. Он умолял и плакал, но она не вернулась за ним, никто из них не вернулся. Его магия отреагировала так, как сказал Снейп, выбросив его из машины и бросив на левый бок в сырую землю в темноте. Но правая сторона продолжала гореть, и он закричал, теряя сознание. Прошло три дня, прежде чем он очнулся, и еще неделя, прежде чем он смог хоть как-то осознать себя. Задыхаясь, он осторожно сполз с кровати и нащупал на земле свою ногу. Грубо задрав штанину пижамных штанов, он вставил культю в протез и прошептал, чтобы она затянулась обратно. Выбросив костыль, он прихватил тапочки и легкое одеяло. Подойдя к двери, он подхватил свой ранец с кровати и выскользнул в коридор, направляясь в общую комнату Слизерина. Устроившись на одном из диванов, стоящих у самого большого камина, он обернул плед вокруг плеч и свернулся в подобие шара. Свободные руки потянулись к ранцу, лежащему на подушке рядом с ним, и извлекли из него книгу и лист пергамента. Отложив перья, Гарри взял обычное магловское перо и положил пергамент поверх книги, чтобы использовать ее в качестве опоры для письма. — Дорогой Муди, — начал он дрожащим почерком. — Ты говорил, что я могу писать, если захочу, и, кажется, сейчас мне это нужно. Я только что проснулся от очередного кошмарного сна о крушении корабля, и теперь никак не могу уснуть. Может, стоит чем-нибудь заняться, понимаешь? 'Они были так близко, там, где я был. Могли бы спасти, но не сделали этого. Просто смотрели, как я кричу, зная, что я умру'. Гарри сжал кулаки, сердце бешено заколотилось в груди, дыхание участилось. Он с трудом подавлял гнев, рвущийся наружу. Убедившись, что вокруг него ничего не загорелось, он снова взял перо и продолжил письмо. — 'На самом деле, это довольно иронично. До встречи с тобой я всегда думал, что мои родители погибли в автокатастрофе, а я просто пошел по их стопам. Ха. Теперь я понимаю, что скорее нас обоих предали люди, которые, как мы думали, никогда бы так с нами не поступили'. Хотелось бы верить, что теперь я знаю лучше, но я не могу не пускать людей в свою жизнь, несмотря на риск. Возможно, у меня появился друг. Его зовут Тедди, он мой сосед по комнате. Он... — Гарри сделал паузу, взгляд его стал отрешенным, пока он пытался подобрать слова. — У него открытые глаза, как у некоторых детей, которых я знал... раньше. Он понимает, как быть осторожным, и, хотя я не задумывался об этом, полагаю, у него тоже не слишком светлое прошлое, понимаешь? Интересно, расскажет ли он мне, если я спрошу? Хотя, не знаю, стоит ли. Мне кажется, это слишком личное. — Ты был прав, когда говорил мне быть осторожным с Малфоем. Этот мальчишка — настоящий гад. Ему бы не помешала пощечина, но я думаю, что у меня будут неприятности. Я уже... Я уже дважды дрался на этой неделе. Щеки Гарри горели, когда он писал о драках. Он не привык к тому, что кто-то может быть разочарован в нём, но подозревал, что Муди не будет слишком рад услышать об этом. — Вы говорили мне, что Уизли — хорошая семья, но, должно быть, это касается старшего поколения, потому что тот, кто учится на моем курсе, — настоящий злодей. Он сказал мне, что надеется, что кто-нибудь прикончит меня до конца месяца. Я бы хотел затащить его в темный угол и отрезать ему один из пальцев, но, полагаю, это только добавит мне неприятностей. Тем не менее, мысль ужасно заманчивая. Он хихикнул про себя и снова обратился к письму. — Я говорил тебе, что всегда дружил с теми, кого другие скидывали со счетов, помнишь? Калеки, слепые, заикающиеся; с ними лучше всего дружить, потому что другие люди не ожидали, что они смогут дать отпор так же хорошо, как они сами. 'Здесь все не так, но похоже. Я наблюдал за другими студентами на своих занятиях, и теперь у меня есть несколько идей, с кем можно поговорить. Вот мой список на данный момент: Миллисент Булстроуд, Невилл Лонгботтом, Мораг МакДугал, Салли-Энн

Перкс и Блейз Забини. В Гриффиндоре также есть девочка-магл по имени Гермиона Грейнджер. Она кажется очень умной, но ее навыки общения с людьми — полный отстой. Не знаю. Думаю, за ней стоит понаблюдать. Просто она дает мне ощущение, что я должен с ней познакомиться, но я не знаю почему'.

<http://tl.rulate.ru/book/95656/3286622>